

НАУКА КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Актуальность темы, обозначенной в заглавии, определена тем состоянием философской литературы, что феномен науки, может быть как никогда непримиримо и остро, соединил сегодня противоречивые оценки его культурного значения. Первыми о науке как культурном феномене заговорили просветители. Вклад научного познания и знания в культуру ими оценивался исключительно позитивно и составлял важнейший момент их доктрины об общественном прогрессе. «Природа, – утверждал Ж.А. Кондросе, – неразрывно связала прогресс просвещения с прогрессом свободы, добродетели, уважения к естественным правам человека»¹. Это было общее мнение эпохи. Поэтому голос Ж.-Ж. Руссо, прозвучавший в середине XVIII в. был громом с ясного неба. На вопрос Дижонской академии «Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?» Руссо ответил трактатом, где было сказано, что наука развивает порок гордости человека, что она (вместе с искусством) отрывает человека от простого и естественного существования и учит человека казаться, а не быть, что наука и искусство подкапывают под основы религиозной веры и уничтожают фундамент добродетели, что, наконец, и наука, и искусство полны шарлатанов, пользующихся легковверными людьми и развращающих их.

Позиция Руссо, получившая, кстати сказать, первую премию за неожиданное и смелое решение поставленного вопроса, оказалась, тем не менее, гласом вопиющего в пустыне. Лишь европейские романтики конца XVIII – начала XIX в. подхватили и развили идею Руссо, но они оказались не способны переломить позитивистское умонастроение европейского общества XIX и XX столетий. Сегодня, когда резко обозначились глобальные проблемы человечества, отрицать причастность к ним науки как особой сферы общественной жизни невозможно, а это заставляет критически взглянуть на нее не просто саму по себе, как это обычно дела-

* *Мирошников Юрий Иванович* – заведующий кафедрой философии ИФиП УрО РАН, доктор философских наук.

¹ *Кондросе Ж.А.* Эскиз исторической картины процесса человеческого разума. М., 1936. С. 12.

лось раньше, а в контексте культуры. Не содержит ли наука в своем существе некие изъяны, представляющие определенную угрозу культурным ценностям человечества?

Отечественная философская литература сравнительно подробно и глубоко исследовала науку как форму деятельности, как определенный социальный институт, как тип человеческого познания и знания, однако культурная оценка науки как особая тема философии науки еще не сложилась. Анализировались лишь отдельные аспекты связи науки и культуры. В 70-х гг. прошлого столетия ряд российских авторов исследовали проблемы единства и различия науки и философии¹, науки и искусства². Реже рассматривались нравственные аспекты научной деятельности³. Нас же здесь интересует интегральная характеристика науки как элемента культуры.

Сопрягается ли наука с культурой в целом? Соответствует ли существо науки существу культуры? Когерентны ли они друг другу? При этом, конечно, важно иметь в виду не только частный взнос науки в общую копилку культуры, но и обратное, может быть, более фундаментальное движение от целого к части. «Действительно ли культура современного человечества, – спрашивает В.Н. Порус, – столь неразрывно связана с наукой и не кроется ли в этой – мнимой или реальной – связи некая угроза самой сущности культуры?»⁴. Но следовало бы, наверное, развернуть вопрос и в обратную сторону: нельзя ли предположить, что современная культура негативно влияет на гуманистическую значимость научной деятельности?

Ответить на эти и подобные им вопросы не просто в силу ряда причин. Это историческая подвижность культуры, ее вариатив-

¹ См., напр.: Философия в современном мире. Философия и наука. М., 1972; Хорев Н.В. Философия как фактор развития науки. М., 1979; Кузнецов Б.Г. Современная наука и философия. М., 1981.

² См., напр.: Мейлах Б.С. На рубеже науки и искусства. Спор о двух сферах познания и творчества. Л., 1971; Пенкин М.С. Искусство и наука. Проблемы, парадоксы, поиски. М., 1978; Гулыга А.В. Искусство в век науки. М., 1978.

³ См., напр.: Фролов И.Т., Юдин Б.Г. Этика науки. Проблемы и дискуссии. М., 1986; Тундыков Ю.Н. Наука и мораль. Свердловск, 1988.

⁴ Порус В.Н. Наука как культура и наука как цивилизация // В.Н. Порус. Рациональность. Наука. Культура. М., 2002. С. 329.

ность, обусловленная традиционными формами жизни в рамках отдельных этносов и наций. Но главный познавательный барьер заключается в том, что разброс концептуальных подходов к понятию культуры остается до сегодняшнего дня исключительно большим и разнородным. Мы попытаемся проанализировать наиболее известные из них, определяя характер науки как единицы целостной культуры.

Пожалуй, самый распространенный подход к понятию культуры состоит в отождествлении ее со всей совокупностью материальной и духовной деятельности, в которой, как казалось, совершенно определенно обнаруживались два аспекта – материальная и духовная культура. Эта позиция отражена в «Философской энциклопедии» 60-х гг. прошлого века, в литературе 70-х, сохранилась она и поныне¹. Так, С.А. Лебедев утверждает, что культура – это «вся совокупность продуктов деятельности человека – от орудий производства, зданий, социальных институтов и политических учреждений до языка, произведений искусств, религиозных систем, науки, норм нравственности и права»².

Эта традиция восходит к эпохе Просвещения, где она строилась на противопоставлении «культуры» «натуре», то есть природе. Именно просветители утверждали мысль о том, что благодаря преобразованию природы человек создает «вторую природу» – мир культуры³. «Вторая природа» – это прежде всего нечто зримое, осязаемое, вещное: здания, мосты, сельскохозяйственные угодья, домашние животные, железные дороги, поезда, станки и т.д. Достижения культуры поддаются учету, ее прогресс – факт статистики. Вера в прогресс подкреплялась очевидными успехами материального производства, цель которого состояла в удовлетворении растущих потребностей людей. Таким образом, сложилось понимание культуры, целиком отмеченное печатью утилитаризма. «Но исключительно утилитарная оценка культуры, – как справедливо утверждал С.Л. Франк, – столь же несовместима с чистой ее идеей,

¹ См.: Францев Г. Культура // Философская энциклопедия / Под ред. Ф.В. Константинова. М., 1964. С. 118; Словарь философских терминов / Под ред. В.Г. Кузнецова. М., 2004. С. 271.

² Лебедев С.А. Философия науки. Словарь основных терминов. М., 2004. С. 113.

³ См., напр.: Каган М.С. Человеческая деятельность. М., 1974. С. 181-182.

как исключительно утилитарная оценка науки или искусства разрушает самое существо того, что зовется наукой и искусством»¹.

Эффективность, рациональность, польза стали для просветительской идеологии совокупным мерилем позитивности всех сторон жизни. Этот экзамен на эффективность, рациональность и полезность должна была выдержать и наука. Она его, как известно, всегда сдавала блестяще. Иллюстрируем этот успех мнением одного из ярких представителей Просвещения М.В. Ломоносова. Великий русский ученый видит заслугу Р. Декарта в том, что тот первым осмелился опровергнуть учение Аристотеля и тем самым «открыл дорогу к вольному философствованию», то есть к критическому научному мышлению². Ломоносов полагает, что научное сообщество формируется помимо всех прочих целей еще и для того, чтобы оценивать появляющиеся сочинения и воздавать должное «каждому автору согласно строжайшим правилам естественного права»³. Основоположник русской науки неоднократно высказывал мысль о пользе «научных упражнений». «В них труды свои полагающий не токмо себе, но и целому обществу, а иногда и всему роду человеческому пользою служит»⁴. Чтобы наглядно представить что имел в виду Ломоносов, говоря о пользе науки, достаточно прочитать его «Письмо о пользе Стекла».

Если по-прежнему мыслить утилитарно, то и сегодня вклад науки в культуру не вызывает никаких сомнений. Пользуясь давней традицией, американский экономист и социолог К. Болдуинг предложил понятие «суперкультура», под которым он имел в виду прежде всего развитие вещной сферы: аэропорты, магистральные дороги, небоскребы, гибридные сорта злаков, искусственные удобрения, контроль над рождаемостью и т.д. Суперкультура К. Болдуинга характеризуется мировым размахом: у нее мировой язык – английский, мировая идеология – наука⁵. Однако бесспорный

¹ Франк С.Л. Этика нигилизма (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) // Вехи. Сб. ст. о русской интеллигенции. Изд. 5-е. М., 1910. С. 187.

² Ломоносов М.В. Из «Волфианской экспериментальной физики» // Избр. филос. произв. М., 1950. С. 125.

³ Ломоносов М.В. Слово пользе химии // Избр. произв. В 2 т. Т. 1. С. 217.

⁴ Там же. С. 117.

⁵ См., напр.: Кравченко А.И. Социология: словарь. М., 1997. С. 185.

прогресс научных технологий, создание наукоемких производств, новых материалов с заданными свойствами и т.д., приводящих к качественному изменению образа жизни современного человека, отнюдь не отождествляются с культурным прогрессом. Сегодня взгляды многих обществоведов на культуру изменились, произошел перенос акцента с материального на духовное ее содержание.

Просветительская модель культуры изживает себя, на смену приходит осознание ее духовной сути. Уже в советской философской литературе начала 80-х гг. XX в. созревало понимание того, что «предметной областью категории культуры оказывается духовная жизнь общества»¹. Логическому переходу к новому взгляду способствовало переосмысление давно известного понятия цивилизации, которое в связи с этим обрело второе дыхание. Вещественный, материально-технический состав культуры, как ее себе представляли просветители, отошел в смысловую область понятия цивилизации. «Цивилизация, – как утверждается в одном из современных учебных пособий по философии, – это исторический тип существования общества в природе»². Приведем в пример еще одну формулировку. «Культура (осознанно или бессознательно) устремлена, – пишет В.В. Бычков, – только и исключительно на реализацию творческой, нравственно полноценной, духовно наполненной жизни... Более широкая сфера деятельности человека как *homo sapiens*, наделенного свободной волей и постоянно совершенствующегося на путях рационально – научно – технических достижений, обозначается здесь как цивилизация»³. В рамках этого подхода к культуре как духовной жизни общества возможны различные уточняющие и конкретизирующие варианты, но все они так или иначе сфокусированы на главную смыслопорождающую функцию культуры.

Вернемся к сформировавшейся в современной философской литературе триаде – культура, цивилизация, наука. Оказалось, что наука принадлежит одновременно и культуре, и цивилизации. Наука, как замечает А.И. Савенков, – «есть и система знаний, выражающих истинные законы формирования, функционирования и

¹ Яковлев Б.Д. Духовная культура развитого социализма. Л., 1981. С. 26.

² Лойфман И.Я. Культура как плодотворное существование // Двадцать лекций по философии / Под ред. И.Я. Лойфмана. Екатеринбург, 2001. С. 84.

³ Бычков В.В. Эстетика. М., 2005. С. 299.

развития мира, ... и производительная сила, играющая огромную роль в развитии сферы материального производства»¹. Такой взгляд на науку усложняет оценку ее культурной роли, да и сама модель культуры приобретает некую таинственную глубину: кто может однозначно измерить духовное пространство и на каких весах удастся точно взвесить духовные предметы?

Между тем философская литература как западноевропейская, так и российская давно констатируют падение духовного тона культуры и нарастание в ней кризисных явлений. Начало кризиса мыслители обнаруживают еще в эпоху Возрождения, где берет свои истоки секулярная культура. Так, Н.А. Бердяев говорит об ошибке гуманизма, которая была «не в том, что он утверждал высшую ценность человека и его творческое призвание, а в том, что он склонялся к самодостаточности человека и потому слишком низко думал о человеке, считая его исключительно природным существом, не видел в нем духовного существа»². Современные исследователи зерна новоевропейской культуры находят в почве античности. Полисная культура античности, как утверждают В.С. Стёпин, В.Г. Горохов, М.А. Розов, «подарила человечеству два великих изобретения – демократию и теоретическую науку, первым образцом которой была Евклидова геометрия»³.

Новоевропейская наука, быстро формирующаяся начиная с эпохи Возрождения, способствовала тому, что вышеупомянутые авторы называют техногенной цивилизацией, а уже последняя непосредственно инициирует появление и развитие новоевропейской культуры. Прямой ответственности за развитие секулярной культуры в Европе классическая наука XVII–XIX вв. не несет, хотя основой техногенной цивилизации, наряду с техникой и технологией, она является, так как «развитая наука утвердилась именно в этой линии цивилизационного развития»⁴.

¹ Савенков А.И. Наука как феномен культуры и цивилизации // Новые идеи в философии науки и научном познании / Под ред. Ю.И. Мирошникова. Екатеринбург, 2002. С. 3.

² Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря // Судьба России. М., 1990. С. 242.

³ Стёпин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М., 1995. С. 16.

⁴ Там же. С. 44.

Техногенная цивилизация подмяла традиционную культуру Европы, а затем и большую часть культуры мировой. Античная и средневековая культура – культура сакрального типа, ее главный вектор – духовная вертикаль, ориентирующая человека на нравственное совершенствование. Новое время создает секулярную культуру, устремленную по горизонтам социального и индивидуального развития человека как земного практического существа. «При этой “горизонтализации”, – утверждает В. Хёсле, – произошло еще одно важное изменение: для Канта прогресс означал прогресс в осуществлении идеи права, но с исчезновением веры в такую метафизическую инстанцию прогресс ограничился квантифицируемым и измеримым в социальном мире, то есть экономикой. Рост общественного брутто-продукта стал важнейшим критерием прогресса той или иной нации»¹.

Сама наука, давшая мощный импульс для формирования техногенной цивилизации, оказалась приставленной к маховику материального производства и должна была исполнять служебную роль непосредственной производительной силы общества. Установка на полезность, так настойчиво звучавшая в эпоху Просвещения, сыграла злую шутку с наследниками классической науки. «Я особенно счастлив, – признавался Н. Винер в своей биографической книге, – что мне не пришлось долгие годы быть одним из винтиков современной научной фабрики, делать, что приказано, работать над задачами, указанными начальством... Думаю, что, родился я в теперешнюю эпоху умственного феодализма, мне удалось бы достигнуть немногого. Я от всего сердца жалею современных молодых ученых, многие из которых, хотя и этого или нет, обречены из-за “духа времени” служить интеллектуальными лакеями или табельщиками, отмечающими время прихода и ухода с работы»². Да, надо признать, что Большая наука превратила гордое и независимое племя ученых в скромных и исполнительных работников науки, но рядовому члену современного общества повезло еще меньше. Как утверждает Й. Хейзинга, аппарат культуры, назойливо воздействующий на индивида, лишает последнего само-

¹ Хёсле В. Философия и экология. М., 1994. С. 64.

² Винер Н. «Я – математик» // Винер Н. Творец и будущее. М., 2003. С. 700-701.

стоятельной работы над собой. Эта работа заменяется потреблением интеллектуальной продукции в готовом виде¹. Однако несмотря на то, что ученые живут сегодня в условиях капиталистического рынка, заставляющего нацеливать теоретические исследования на извлечение прикладных эффектов, наука остается видом духовного производства накапливающей вместе с другими формами общественного сознания огромный социальный опыт. Тут мы обращаемся к одному из вариантов подхода к культуре как духовной жизни общества, которая может пониматься как «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения, выступающих условием воспроизводства и изменения социальной жизни»².

Автор этой позиции В.С. Стёпин полагает, что социальный опыт, то есть содержание культуры как набор определенных программ деятельности, организован иерархически. В него входят, во-первых, программы прошлых культур – это различные суеверия и приметы. Во-вторых, в социальном опыте представлен слой программ, обеспечивающих нынешнее функционирование общества определенного типа. Наконец, третий уровень программ направлен в будущее – это образцы предполагаемой деятельности новых поколений человечества. В разработке программ будущей деятельности одна из главных ролей принадлежит, на взгляд В.С. Стёпина, науке. Наряду с нравственными принципами, разрабатываемыми в сфере философско-этических учений, идеалами будущего социального устройства в области идеологии, наука призвана вырабатывать теоретические знания, вызывающие перевороты в технике и технологии³.

В философской литературе заметна тенденция духовное содержание культуры представлять в виде суммы вкладов отдельных форм общественного сознания – мифологии, искусства, философии, науки. При этом недостаточно учитывается интеграционная роль культуры как единого духовного комплекса. «Особенностью научного творчества, – пишет Е.В. Иванова, – является поиск и на-

¹ Хейзинга Й. В тени завтрашнего дня // Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 276.

² Стёпин В.С. Культура // Философский словарь. Изд. 7-е // И.Т. Фролов, М., 2001. С. 271.

³ Там же. С. 272.

хождение истины. В художественном творчестве создаются новые ценности, в религиозном – новые идеалы. Мифологическое творчество направлено на установление новых смыслов»¹. Таким образом, на взгляд этого автора, в духовном производстве, якобы, царит строгое разделение труда. В действительности все формы общественного сознания способны осуществлять и когнитивные, и аксиологические, и смыслообразующие функции, но не сами по себе, а в контексте культурного целого. Так, к примеру, ученый познает истину постольку, поскольку она в данной культуре обладает безусловной ценностью, поскольку в занятиях наукой он видит смысл своей жизни и некоторые его предшественники (а может быть и современники) осознаются им корифеями, так как выступают для него воплощением идеала научной деятельности. Как утверждал М. Вебер, «если без веры исследователя в значение какого-либо содержания культуры любые его усилия, направленные на познание индивидуальной действительности, просто бессмысленны, то направленность его веры, преломление ценностей в зеркале его души придадут исследовательской деятельности известную направленность»².

К сожалению, приходится также констатировать, что в современной отечественной культуре происходит систематическая подмена смысла и ценности жизни материальными продуктами этой жизни. Налицо разрыв цивилизации и культуры, который обращает цивилизацию против человека. Культура чахнет, отождествляясь с цивилизацией, а цивилизация без культуры становится механизмом отчуждения человека³. В конце 30-х гг. Й. Хейзинга написал книгу «В тени завтрашнего дня», содержащую нелицеприятную оценку западноевропейской культуры. Автор отмечает, в частности, что «удивительно высоко вознесшееся знание еще не ассимилировалось в новой гармонической картине мира... Сумма всех наук еще не стала для нас культурой»⁴.

Объяснить такую направленность мысли отечественных интеллектуалов можно тем, что долгое пребывание российских уче-

¹ *Иванова Е.В.* Смыслообразующая функция мифа (образ культурного героя). Екатеринбург, 2004. С. 66.

² *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 380.

³ *Порус В.Н.* Наука как культура и наука как цивилизация ... С. 340.

⁴ *Хейзинга Й.* В тени завтрашнего дня ... С. 269.

ных под идеологическим гнетом привело к атрофии интереса к мировоззренческим вопросам, а всякие робкие попытки осмыслить ту духовную ситуацию, в которой пребывают нынешние работники науки и все общество, воспринималось в лучшем случае как занятие не своим делом. Поэтому не случайно, что в конце XX – начале XXI в. так буйно расцвели мифология, мистика, оккультизм, пара-наука, наперебой предлагающие свои интерпретации ценностных ориентаций человека, его смысла жизни, его отношения к миру. Сегодня идет массивное наступление на компетентность разума, на объективность научной картины мира, на ценность истины, на авторитет книги и т.д.

Спора нет, российская наука из последних сил стремится выжить в новых рыночных условиях и как огня боится ситуации, которая ненароком была бегло в двух строках тематизирована в одной из пьес У. Шекспира: «Плач муз, скорбящих о судьбе Науки, / Скончавшейся в жестокой нищете»¹. Однако то олимпийское спокойствие, с которым ученые взирают на разгул постмодернизма в культуре, приводит их к утере мировоззренческих позиций, к самоизоляции. Никто кроме деятелей науки не способен так заинтересованно и компетентно отстоять и приумножить ценности научного познания. Но, кажется, что главной своей задачей ученые считают охрану своего мыслительного пространства от вторжения дилетантов. Вступить в диалог с представителями российской научной общественности практически невозможно, отсутствует и междисциплинарный диалог. Общение здесь в лучшем случае носит узкопрофессиональный характер, как бы навеянный знаменитым афоризмом Козьмы Пруtkова «Рассуждай токмо о том, о чем понятия твои тебе сие дозволяют»².

Культура, и это еще один срез ее духовной сущности, сегодня очень часто определяется как коммуникативная система, предполагающая наличие разных сознаний, находящихся в диалогических отношениях друг с другом. В своем генезисе каждое сознание «получало те каналы коммуникации, которые вырабатывались культурой в целом и которые становились для него способом орга-

¹ Шекспир У. Сон в летнюю ночь // Полн. собр. соч. В 8 т. Т. 3. М., 1958. С. 196.

² Козьма Пруtkов. Полн. собр. соч. М.; Л., 1965. С. 127.

низации и самоорганизации»¹. Культура – вавилонское столпотворение различных языков, выражающих духовный опыт различных народов и форм деятельности.

Каждое сознание говорит на своем языке, поэтому культура представляет собой организацию семиотических систем. Семиотические системы представляют сегодня огромное многообразие искусственных языков отдельных видов искусств, наук, технических устройств. Однако непреходящее значение имеет естественный разговорный язык, который позволяет культурный опыт, созданный, закрепленный и накопленный в области специализированного сознания, передавать всем ныне живущим и грядущим поколениям. Следует подчеркнуть, что передача опыта – не обмен жидкости в сообщающихся сосудах. Диалог, который возникает между передающим культурную информацию и принимающим, есть процесс смысловой. Ценность диалога заключается в том, что он есть становление смысла².

До настоящего времени средством трансформации культурной информации обычно выступала литература. В свое время Д.С. Лихачев выдвинул идею о том, что человек живет не только в определенной биосфере, но и в сфере, создаваемой им самим в результате его культурной деятельности. Эту сферу он предложил назвать «гомосферой», то есть «человекоокружением»³. «В этой гомосфере, – утверждает Д.С. Лихачев, – огромную роль играет литература, через которую человеку передаются нравственность и этические представления»⁴. Добавим, что научная литература распространяла полученные знания, удостоверяла авторский приоритет, внедряла каноны научного этиоса, утверждала новаторский стиль мышления, знакомила с новой картиной мира и т.д. С эпохи средневековья и до XX в. включительно чтение и анализ литерату-

¹ *Парахонский Б.А.* Коммуникация и культурная среда: Диалог и коммуникация – философские проблемы (материалы «круглого стола») / Вопросы философии, 1989. № 7. С. 24.

² *Брудный А.А.* Значение и смысл текста: Диалог и коммуникация – философские проблемы (материалы «круглого стола») // Вопросы философии, 1989. № 7. С. 24.

³ *Лихачев Д.С.* Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л., 1989. С. 265.

⁴ Там же.

ры были одними из основных занятий ученого, несомненным признаком учености, способом его профессионального существования. Умение извлекать смысл из текста, книжная эрудиция – необходимые условия, предворяющие собственное авторство в создании научной продукции. Приведем один характерный штрих из биографии академика С.С. Шварца. На все вопросы и в период учебы Станислава Семеновича и позднее – его учитель, профессор П.В. Терентьев, читавший и говоривший на английском, немецком, французском, греческом языках, латыни и иврите, отвечал просто: «Голубчик, идите в библиотеку!»¹

В XX в. культурная роль литературы, печатного слова, книги изменилась. Слово стало терять цену из-за легкости его создания и широчайшего тиражирования. Оправдалась мысль Ф. Ницше: «Журналист победил профессора», ибо контролировать культурную информацию стали и профессионалы, и владельцы средств массовой коммуникации². Обозревая панораму жизни человечества первой половины XX в., Й. Хейзинга заметил: «Над всем миром висит облако словесного мусора как пары асфальта и бензина над нашими городами»³. Один из властителей дум второй половины XX в. У. Эко, развивая наблюдение Й. Хейзинги, пишет, что наша эпоха создала огромную машину риторики, управляемую идеологией «современности». Эта идеология позволяет прочитывать разнообразные формы, не поддаваясь влиянию (не заражаясь) ни одной⁴.

Другая тенденция, поставившая приоритет книжной культуры под вопрос, заключается в постепенной, но неуклонной замене слова визуальным образом, картинкой. Основную массу информации современный человек получает в невербализованном, недискурсивном виде, что не может не влиять на мышление и чувства человека, его картину мира и ценностные ориентации, способы принятия решений и т.д. Этот процесс В.В. Бычков обозначает как «глобальную сущностную визуальную эстетиза-

¹ Большаков В.Н., Добринский Л.Н. Станислав Семенович Шварц. М., 2002. С. 61.

² Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Соч. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 137.

³ Хейзинга Й. В тени завтрашнего дня ... С. 349.

⁴ Эко У. Отсутствующая структура. Введении в семиологию. СПб., 1998. С. 225.

цию сознания»¹. При этом он просит учесть, что сами традиционные понятия эстетики и эстетического подверглись в посткультуре основательной ревизии.

Оплотом книжной культуры и научного знания всегда была общеобразовательная школа, родственная средневековым университетам с их «тривиумом», породившим набор гуманитарных дисциплин, и «квадратиумом», давшим начало реальным (естественным) наукам. Начиная с эпохи Возрождения, как показывает А. Моль, оформилась определенная доктрина знания. Эта доктрина, постулируя наличие всеобъемлющих «общих понятий», предполагала существование иерархии знаний, одни из которых были важнее других. Поэтому любое представление, любая мысль соотносились с некоторой «сетью» знаний, «сотканной из основных, второстепенных, третьестепенных и т.д. линий; это была как бы сеть маршрутов мысли со своими узловыми точками знаний»².

Сегодня большая часть информации попадает в сознание подрастающих поколений молодежи не на школьных уроках и не на вузовских лекциях, а в часы просмотра телевизора и использования других средств массовой коммуникации. «Обрывки мыслей группируются по прихоти повседневной жизни, захлестывающей нас потоками информации, из которых мы фактически наугад выбираем отдельные сообщения»³. Культуру, формирующую европейца второй половины XX в., А. Моль назвал «войлочной». «Войлок» знания состоит из смеси частиц различных сведений, обрывков смысла, ярких бессистемных образов. Еще недавно школа давала своим воспитанникам схему мира идей и знаний, соответствие которой они обнаруживали и во взрослой жизни. Ныне же это соответствие утрачено. Между школой и жизнью царит разлад, который научная общественность еще не осознала в полной мере. Но ведь именно школа готовит новую смену академических работников, призванных подхватить эстафету научного творчества.

Молодой ученый несет с собой в сферу научной деятельности ту культуру, которая его сформировала как личность.

¹ Бычков В.В. Эстетика ... С. 304

² Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973. С. 37.

³ Там же. С. 45-46.

Культура в определенном смысле тождественна личности. «Культура, – утверждает И.Я. Лойфман, – представляет собой исторический тип существования личности в обществе»¹. Различные типы культур выступают определенными мерами и способами реализации и развития сущностных сил человека. Есть и обратная зависимость между способностями личности и тем духовным результатом его деятельности, который приводит к формированию новой культуры. Историческими примерами такого влияния личности на состояние и качество культуры могут служить такие имена, как Сократ, Аристотель А. Августин, Н. Коперник, Г. Галилей, Р. Декарт, Б. Паскаль, Ч. Дарвин, К. Маркс. «Пока Галилей не обнаружил смысла и ценности опыта, Декарт не научил людей искусству размышлять о самих себе и Паскаль не сформулировал идею прогресса, всем, кто отходил от традиционного образа мыслей, современность представлялась отображением или продолжением античности»². Роль творческой интеллигенции в генерировании культурных инноваций всегда была решающей. Обычно они образовывали культурную элиту общества. По мнению известного кинорежиссера А.Н. Сокурова, культура – элитарная сфера человеческой жизни. Способность к постижению культуры зависит не от социального качества человека, а от его духовного, душевного состояния³.

Просветители связывали занятие наукой с природой человека. «Ученый, – считал П. Бейль, – это особо устроенное телесное существо: организм ученого принципиально отличен от организма крестьянина»⁴. Конечно, физические телесные качества человека существенны для успешной реализации научных замыслов, но еще более важная роль здесь принадлежит свойствам человеческого духа. Ученый прежде всего должен обладать интуицией исследователя, он должен удивляться окружающему миру и радоваться разгадке его тайн. Древние греки первые в европейской культуре ста-

¹ Лойфман И.Я. Культура как плодотворное существование ... С. 84.

² Ольшики Л. История научной литературы на новых языках. В 3 т. М.; Л., 1934. Т. 2. С. 3.

³ Одинокий голос человека. Интервью с А.Н. Сокуровым // Огонек, 1989. № 31. С. 17.

⁴ Бейль П. Исторический и критический словарь: В 2 т. М., 1968. Т. 1. С. 272.

ли испытывать радость чистого познания. Они научили радоваться и всех нас – преемников когнитивной традиции, сформировавшейся в Древней Греции¹.

Наука – это творческий результат соприкосновения души ученого и события, на которое направлено его внимание². Благодаря вниманию ученого к предмету исследования и возникает эвристическая ситуация, разрешение которой целиком зависит от его интеллекта, воли и эмоциональной сферы. И. Ньютон на вопрос, как делаются великие открытия, ответил: «Исследуемый предмет я носил постоянно в уме, обращая его с разных сторон, пока не удавалось, наконец, найти ту нить, которая приводила меня к ясному представлению³».

Итак, мы видим, что культура и наука – понятия не тождественные, их соотношение не сводится к единству целого и части. Мы констатируем, что современная европейская (российская в том числе) культура, если трактовать ее как духовную жизнь общества, находится в кризисе. Понятно, что и мировое и российское научные сообщества состоят не из одних только интеллектуалов-гуманистов, озабоченных судьбами культуры, но мы верим в духовные силы людей науки, в их способность быть решающим культуuroобразующим фактором XXI в.

¹ *Лауэ М.* Мой творческий путь в физике. Автобиография // *Лауэ М.* История физики. М., 1956. С. 167.

² *Холтон Дж.* Тематический анализ науки. М., 1981. С. 255.

³ Цит. по кн.: *Постников А.Г.* Культура занятий математикой (Из записок ученого). М., 1975. С. 37.